каждому из его добрых поступков, о которых я говорила, к каждому утешительному слову, которое он произносил. Какое благостное удивление для него, что эта бесконечность добра, которое он делал, всегда им забывалась. Я желала следовать за процессией до лодки, которая должна была доставить тело в Хутынский монастырь, но мне пришли сказать, что тетя обо мне тревожится; я поспешила ее успокоить, но внутренне чувствовала себя очень плохо. Сильный жар, бесконечное волнение заставляли Александрину опасаться, что это начало лихорадки. Она заставила меня принять мазь из винного камня и пообещать, что я останусь с тетей. Ее страдание стало непомерным; ее сердце, казалось, предчувствовало, что должно было произойти. «*Его скоро увезут,*— говорила она с интервалами,— *Мамичка, друг мой, нас навсегда разлучают. Нет, моя душа, нет, ты со мною*». И потом она принималась говорить тихо, как бы в бреду; отдельные прерывистые слова, которые она произносила, разрывали сердце.

О! Как состояние вдовы ужасно! Какое ужасающее одиночество во всем мире, когда потерял существо, составлявшее все его очарование.

Я была рядом с тетей и с сожалением решила не сопровождать дядю, но пойти и попрощаться с ним навеки. Мой кузен Семен Капнист сопровождал меня. Бог мой! Какая жестокая минута! Прижавшись губами ко лбу, который я тысячи раз целовала, я не чувствовала сильного запаха, который распространялся; я забыла, что это было всего лишь мертвое тело, которое совсем не напоминало моего дядю; одна мысль занимала меня, мысль, что от него не останется больше ничего на земле и что это мой последний поцелуй, мой последний взгляд на него. Я была слишком взволнована, чтобы пойти к тете, ушла в свою комнату и осмелилась без свидетелей отдаться своей боли. Размышляя тогда о том, что с ним произошло и проливая горькие слезы, я благодарила Бога за мужество, которое он мне придал, ибо в самом деле, если бы за пять минут до нашего несчастья мне сказали, что оно нас постигнет и что одна в этот ужасный момент я увижу, как обрушиваются на меня все эти горестные обстоятельства, одна мысль об этом заставила бы меня содрогнуться, потому что никогда, я это повторяю, я не думала о том, что его потеряю. И теперь, видя, как я управляюсь со всем, входя в мельчайшие обстоятельства, сказали бы, что речь идет о похоронах совершенно постороннего мне человека. Часто удивляясь этой сверхестественной силе, которую Бог в меня вселил, я спрашивала себя, действительно ли это был мой дядя, которого я видела лежащим на столе; была ли это я сама, которая его любила. Это размышление возвращало мне всю мою боль, и я ломала себе руки, потом, вновь утвердившись в этой странной силе, вновь принималась за все те заботы, которые требовались от меня.